

Нравственные условия Богопознания мученик Михаил Александрович Новоселов

*Кому, о Господи, доступны
Твои Сионски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи целомудренны мечты:
Кто дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал,
Но верой в Бога укреплялся,
Ему со страхом поклонялся,
С любовью плакал перед Ним.
Подражание псалму 14. Языков*

I. Ум бессилен сам по себе прийти к истине и познать Бога

В последнее время во всех образованных странах, где пустило корни неверие, замечается искание веры. Религиозными вопросами начинают интересоваться все более и более. О них стали говорить в тех кружках, в которых прежде со словом «религия» соединялось представление о невежестве и грубом суеверии.

Что же получается в результате? Многие ли находят то, чего ищут? Многие ли приходят к свету Божественной истины? Едва ли кто на эти вопросы решится ответить утвердительно. Наблюдение показывает, что современное искание веры многих приводит не к свету Христовой истины, а ко тьме древнего язычества или к такому пониманию христианства, при котором последнее оказывается совершенно неузнаваемым.

Где же причина этой бесплодности исканий веры? Причина в ложном взгляде на христианство и в ложности пути и средств, которыми ищут веры. Коренная ошибка современных искателей веры в том, что они на религию смотрят, как на науку, на христианство, как на своего рода философию, а на разум, как на единственное средство к возвращению утраченной веры. Почитая христианство системой знания, новейшие «богословы» обращаются с ним, как со всякого рода знанием: сначала решают, что согласно со взглядами и суждениями их разума, и что несогласно; первое признают, второе отвергают; что понимают, то признают; чего не разумеют, то отрицают.

Путь умственных изысканий, обыкновенно употребляемый современными искателями веры, для этой цели оказывается непригодным и свидетельствует только о непонимании природы ума. Что такое ум? Это формальная способность составлять представления, понятия, суждения и умозаключения. Для своей деятельности он всегда нуждается в материале, доставляемом внешними чувствами или чувством внутренним. Никакие усилия ума не дадут слепому от рождения понятия о цветах, глухому – о звуках, утратившему обоняние – о запахе и т. д. Кто сам не испытал чувств любви, дружбы, ревности, честолюбия, зависти – тому не объяснят их никакие психологи. Кто ценит и знает только грубые чувственные удовольствия, для того непонятны подвиги самоотречения и самоотвержения, вытекающие из стремления к добру и совершенству, к духовным радостям мирной и чистой совести. Прекрасно, чисто в христианском духе, рассуждает *Н. В. Гоголь*: «Ум не есть высшая в нас

способность. Его должность не больше, как полицейская: он может только привести в порядок и расставить по местам все то, что у нас уже есть. Он сам не двинется вперед, пока не двинутся в нас две другие способности¹, от которых он умнеет. Отвлеченными чтениями, размышлениями и беспрестанными слушаниями всех курсов наук его заставишь только слишком немного уйти вперед; иногда это даже подавляет его, мешая его самобытному развитию. Он несравненно в большей зависимости находится от душевных состояний: как только забушует страсть, он уже вдруг поступает слепо и глупо; если же покойна душа, и не кипит никакая страсть, он и сам проясняется и поступает умно... Ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движения и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы». Разум вообще бессилён сам по себе найти истину, будучи не источником истины, а только формальным критерием её. «Разум, – справедливо говорит *Бэйль*, – может только разрушать, но не созидать, только вскрывать заблуждения, но не находить истины, отыскивать доводы за и против, возбуждать спор и сомнение, но не может дать уверенности. Разум наш, сам по себе, способен только все запутывать, все подвергать сомнению. Не создал он еще ни одного произведения, к разрушению которого не указал бы сам же путей и средств. Это поистине Пенелопа, которая ночью распускала ткань, сделанную ею в продолжение дня». Ум, сам по себе, с одинаковым успехом может служить и истине, и лжи, и признавать, и отрицать. До какой виртуозности и изворотливости он может быть доведен, это особенно хорошо видно из примера древних софистов, которые могли на один и тот же вопрос отвечать: и *да*, и *нет*, белое представлять черным, черное – белым, добро – злом, зло – добром. То и другое направление он получает от сердца, от которого, по слову Спасителя, *исходят помышления* (Мф. 15:19). Кто не имеет Бога в сердце, во внутреннем чувстве, тот не увидит Его ни во внешней природе, ни в исторических судьбах человечества, ни в своей собственной жизни. Известный естествоиспытатель *Лаплас* на вопрос: «признает ли он Бога?» отвечал: «Я при помощи телескопа осмотрел все небо, но нигде не заметил Бога». *Линней* же, тоже знаменитый естествовед, в каждой травке и былинке видел следы премудрости и благости Божией. Где причина такого различия во взглядах на природу? Не в уме, не в количестве сведений о природе, а в сердце, во внутреннем чувстве. Видит Бога в природе тот, кто имеет здоровое внутреннее око, т. е. чистое сердце. Природа, несомненно представляет нам следы могущества и премудрости Творца, но чтобы вполне правильно и ясно читать и понимать это откровение, для этого, по

словам одного серьезного русского мыслителя, *В. Д. Кудрявцева*, «нужен ключ разума, хранящийся в глубине человеческого духа, в его идеях истинного, разумного и прекрасного; без них природа представляется нам мертвым, бездушным механизмом; наивысшее и самое твердое ручательство в существовании мира сверхъестественного мы находим в нас самих в области духа и, только исходя из этой области, можем открывать и понимать откровения духовных качеств и свойств в природе внешней». «Природа, – по прекрасному сравнению известного апологета христианства, Лютардта, – есть как бы писание, состоящее из одних согласных букв. Чтобы иметь возможность читать это писание, мы должны сами привнести в него гласные». Равным образом, только внутренняя сердечная уверенность заставляет видеть Бога в исторических судьбах человечества и в частных случаях жизни отдельных людей. В противном случае уму все в жизни представляется делом случая, непонятною игрою какой-то слепой, неразумной судьбы, бессмысленным сплетением человеческих стремлений и действий.

II. Зависимость ума от чувства и воли

Индивидуум неизбежно вносит в каждый акт познания свою личность в такой или иной мере, так что всякое специальное восприятие предварительно должно проходить, так сказать, чрез призму личности и в ней получать свою окончательную определенность. Именно по этому самому один и тот же предмет, как свидетельствует опыт, воспринимается и познается различно не только разными лицами, но одним и тем же лицом в различных условиях, в зависимости от настроений мысли и чувства субъекта, состояния его души. Когда чувство вторгается в познание, то мышление становится послушным орудием чувства, средством его, а не истины: чувство в мышлении ищет только своего оправдания. В этом случае «в сознании являются только такие представления, которые отвечают данному чувствованию по своему характеру, все же другие представления не допускаются, изгоняются»: так, любовь идеализирует свой предмет, злоба заставляет видеть во враге одно только дурное, отчаяние и горечь окрашивают все в мрачные, а радость в розовые цвета и т. п. Конечно, не в обыденном только мышлении заявляет о себе чувство, но и в научном: критика, история, философия служат обширною ареною, где действуют личные пристрастия, симпатии и антипатии людей. «Кто предается, – говорит *Платон*, – чувственным удовольствиям и гневу, тот будет иметь только смертные мысли». По словам *Аристотеля*, «всякое заблуждение, особенно в вопросах религиозных и нравственных, имеет основание в свободной воле человека, в чем мы непосредственно или посредственно должны считать себя виновными». «Кто какую избирает философию, – говорит *Фихте Старший*, – зависит от того, что он за человек, ибо философская система не есть домашняя утварь, которую можно бросать или брать по произволу, – нет, она оживотворяется душою того человека, который обладает ею. Характер, от природы вялый или ослабленный и изломанный вследствие духовного рабства, ученой роскоши и суетности, никогда, – прибавляет *Фихте*, – не возвысится до идеализма»². С основною мыслью *Фихте* согласен и *Паульсен*. Он полагает, «что решение в пользу того или другого из этих противоположных мирозерцаний находится в некоторой связи с направлением воли и образом жизни человека. У человека, жизнь которого сама имеет идейное содержание, будет естественная склонность к идеалистическому мировоззрению; у человека же, жизнь которого пуста и ничтожна, – к противоположному, ибо решающим фактом является,

конечно, не мирозерцание, а направление воли. – Выбор философии, – очень верно говорит Фихте, – зависит от того, каков человек»³. «Наши идеи, – читаем мы у *Пено*, – гармонируют с аффективными состояниями и вибрируют в один тон с ними; они заимствуют у них силу и звучность или не находят отголоска и остаются в памяти изолированными и бессильными. Сила и слабость идеи создается нами, всей нашей личностью». «Мы питаем, – говорит тот же автор, – величайшую симпатию к резонам, которые нам по вкусу, принимаем их дружески, носимся с ними, и таким образом обеспечиваем для них почетное место в нашей памяти. Неприятные резоны мы выслушиваем неохотно, стараемся пропустить их мимо ушей и легко забываем о них; таким путем наше суждение опять-таки искажается». «Главное употребление из нашей любви к истине заключается в том, что мы убеждаем себя, будто нравящееся нам и есть в то же время истинное». В нашей так называемой любви к истине много лицемерия: «известные чувства оскорбляют нас в большинстве случаев потому, что они противны нашим ощущениям, а не потому, что они противны истине». Из русских мыслителей ту же в сущности мысль раскрывает *П. И. Линицкий* в «Идеализме и реализме». Он находит, что нельзя «рассматривать эти направления исключительно с точки зрения теоретической, просто как опыты чисто умственного построения известных предположений и выводов; напротив – как в том, так и в другом направлении следует видеть притом выражение известного образа или характера духовной жизни, будет ли это жизнь отдельного лица, или же целой исторической эпохи, или, наконец, известного исторического народа, смотря по тому, в каком объеме рассматриваются проявления философской мысли. Можно наперед предположить, не боясь впасть в грубую ошибку, на основании сказанного, что идеализм служит признаком или обнаружением духовной самостоятельности, стремления к свободе и независимости духа, вообще признаком преобладания в жизни высших духовных стремлений: наоборот, реализм, в обширном смысле этого слова, следует считать признаком некоторого упадка или, по крайней мере, ослабления энергии чисто духовных, высших интересов и преобладания склонности к пассивному наслаждению жизнью, хотя бы такая склонность соединялась с расширением практической деятельности, которая при этом всегда направляется на осуществление ближайших жизненных задач»⁴. – В полном согласии с этими положениями стоят суждения по тому же предмету известного богослова-подвижника, *еп. Феофана*. Вот что он пишет: «Сердце справедливо почитается корнем существа человеческого, фокусом всех его сил духовных». «Значение его в

экономии нашей жизни не то только, чтоб страдательно стоять под впечатлениями и свидетельствовать об удовлетворительном или неудовлетворительном состоянии нашем, но и то – чтоб поддерживать энергию всех сил души и тела. Смотрите, как спешно делается дело, которое нравится, к которому лежит сердце... Ревность, движущая сила воли, из сердца исходит». Потому-то и наблюдается в жизни, что «когда человек в чувстве, тогда он весь сковывается тем чувством, и готов и силен бывает беспрекословно делать все, к чему побуждает то чувство. Чувство походит на рычаг и руль в управлении своим внутренним».

Великий знаток души человеческой Ф. М. Достоевский, будучи еще юношей, писал своему брату, что наш ум есть способность материальная, и что душа не им собственно живет, а тою мыслию, которую нашептывает ей сердце.

Владычественность, даже царственность, чувствований в жизни людей отмечал еще св. Макарий Египетский. Стоит, по его воззрению, благодати Божией овладеть пажитями сердца, как она начнет царить над всеми членами и помыслами, так как в сердце и ум, и помыслы, и чаяния души. «Само сердце, – говорит святой подвижник, – малый сосуд, но там есть змии, там есть львы, там есть ядоносные звери, там все сокровища порока, там пути негладкие и стропотные, там пропасти; но там также и Бог, там ангелы, там жизнь и царство, там свет и апостолы, там сокровище благодати, там есть все». Вот как изображает широту захвата жизни сердцем человека великий христианский аскет.

Современная психологическая наука, хотя в других словах, но выражает те же мысли.

Раскрывая значение чувствований *Гефдинг*, напр., приписывает им решающий голос при выяснении самых основных, так сказать – роковых, жизненных проблем. «Последние вопросы в области жизни, – пишет он, – вопросы о ценности и значении действительности и жизни, решаются в конце концов по голосу чувств. В настоящее время это особенно ясно выступает в том великом значении, которое получила противоположность между оптимистическим и пессимистическим мировоззрением». Даже в мелочах, самых обыденных состояниях, окраска чувства играет первую роль. «Как один и тот же ландшафт кажется различным, смотря по тому, откуда падает на него свет, так одни и те же предметы и события кажутся нам совершенно различными, смотря по тому, в каком мы настроении».

Почти буквально то же самое утверждает *Поль Бурже*, когда пишет, что «задача о значении мира и жизни прежде всего есть задача чувства, решение которой следует искать в чувстве же...». А потому и

«пессимизм», по его словам, «исходит скорее из сердца, чем из рассудка, ему не свойствен абсолютный характер рациональных решений».

Ученый психолог *Тома́*, в своем сочинении «Воспитание чувств», утверждает, что «лишь согревающая энергия сердца способна соединить нас тонкими и в то же время неразрывными узами и с нашими ближними, и с природой, и с идеалом, притягивающим к себе всех. Роль чувства здесь поистине громадна».

«Оно, – по словам *Гюйо*, – есть самый сложный продукт индивидуального организма и вместе с тем, что менее всего умирает в этом организме; это самая глубокая формула живой действительности..., так что первое, что надо спасать в жизни, это свое собственное сердце»⁵.

«Самая глубокая часть нашей природы, – говорит *Джемс*⁶, – это – та безмолвная область сердца, где мы оставлены одни с нашей склонностью и несклонностью, верою и страхом. Но как в глубине пропастей пещер из недр земли пробиваются освежительные ключи, так и в этом гробовом мраке личной субъективности находится источник всех наших внешних поступков и решений. В этом наш тайный орган для общения с природой вещей».

Во всяком случае то, что называется убеждением, имеет свое основание в сердце, а не в рассудке, независимо от того, истинно оно или нет. Что такое убеждение? Это – мысль, излюбленная и прочувствованная, глубоко проникнувшая в самую душу и сделавшаяся её живою силою в отличие от рассудочного знания: последнее не затрагивает ни чувства, ни воли, ни воображения, и может оставаться в душе мертвым капиталом, не возбуждая сил её. Вообще, чем менее мышление затрагивает наше чувство, тем менее оно для нас достоверно, и наоборот – чем более оно приближается к ощущению, чувству, тем более выигрывает в живости и внутренней убедительности; что наиболее отвечает нашим желаниям и возбуждает чувство, то наиболее получает значение истины в наших глазах: мы не любим верить в то, чего не хотим, что противно нашему чувству... С другой стороны, убедительность или достоверность истины обуславливается *живостью* и *ясностью* познания её. Но рассудочное знание как раз именно страдает недостатком живости, ясности.

Рассудок не приближает нас к конкретной действительности, а удаляет от неё, – в этом общее его отличие от чувственности, от непосредственного знания вещи, как она открывается чувству. Мыслить вещь – не то же, что чувствовать, переживать её. В первом случае она противостоит нам, как нечто внешнее нам, а во втором – она входит в нас, как часть нашей жизни. Оттого только в чувстве воспринимается вещь во

всей целости и конкретной полноте своей действительности, а не в рассудке: чувство дает самую вещь, рассудок её копию, тень. Чувство – синтетический акт познания, рассудок – аналитический, представляющий нам действительность не в подлинной цельности, какая воспринимается чувством, а в обломках и частях или развалинах всесокрушающего анализа.

Итак, мы невольно приходим к выводу, кратко, по сильно выраженному еще в ветхозаветном Писании: «храни сердце твое, потому что из него источники жизни» (Притч. 4:23).

Еще важнее и серьезнее отношение воли к познанию по своему влиянию на последнее, – тем более, что воля почти всегда опирается на чувство и соединяется с ним. (Мы хотим того, что нам нравится, и нам нравится то, чего мы хотим). На языке разговорном это слияние воли с чувством в одно целое имеет для себя выражение в особом слове – *сердце*. Сердце и есть именно область воли и чувства.

Воля приводит в действие способность мышления, направляет её на определенный предмет и на известные, определенные стороны в предмете, поддерживает её в известном напряжении, где надо – усиливает, где надо – ослабляет, или же совсем приостанавливает действие мышления; одним словом, управляет мышлением, определяя для него предмет или содержание, и его направление и характер. Волею в такой или иной мере намечается или предопределяется результат или конечная цель мышления. «De facto, – говорит проф. Владиславлев, – в редких случаях люди спокойно ждут, какой вывод получится из посылок. Обыкновенно, вывод заранее определен, субъект желает такого, а не иного заключения, и употребляет все логические усилия, чтобы прийти именно к нему. Не потому люди приходят к известным заключениям, что их принуждают к тому посылки, от которых они отправились, а потому избирают посылки такого, а не другого характера, что им нужно дойти до излюбленных заключений».

Прекрасно изображает господственную роль воли в познании Паульсен, когда пишет: «мир представлений получает возбуждение и направление всецело от воли; в сознание проникает только, или главным образом, то, что стоит в дружественном или враждебном отношении к нашим целям и задачам. Воля господствует над памятью: мы забываем то, что нас более не касается; мы удерживаем то, что представляет для воли продолжительную важность. Воля господствует над ходом представлений: мы думаем о том, что нам мило и дорого или ненавистно и опасно. Воля постоянно влияет на суждение, она определяет вес и значение вещей и

явлений, оснований и доказательств; в делах практических это ясно само собою: раз интерес или склонность решили, тотчас же находятся основания, оправдывающие это решение. Но воля постоянно вмешивается и в теоретические суждения. Подумайте о понимании истории: нет ни одного выдающегося события, о котором не было бы столько же мнений и представлений, сколько партий, занятых им. Возьмите историю реформации или французской революции; даже Цезарь и Перикл подлежат еще этому закону. Отсюда ясно, какое решающее влияние оказывает воля при построении всего мирозерцания; можно сказать: она есть строитель, намечающий вид и стиль, рассудок же играет роль архитектора-выполнителя».

Таким образом не рассудок, а воля служит последним основанием наших убеждений... То или иное мнение мы принимаем не в силу его логической необходимости или убедительности, а в силу того, что оно удовлетворяет нашим склонностям, привычкам, характеру и т. д., словом – находится в соответствии с нашей личностью.

«Воля, – совершенно справедливо говорит *Паскаль*, – есть один из главных органов верования, не потому, что она составляет верование, а потому, что предметы представляются нам в истинном и ложном виде, смотря по тому, с какой стороны мы на них смотрим. Воля, которой нравится больше одна, чем другая сторона, отклоняет разум от рассмотрения качеств той стороны, которая ей не любя, и таким образом разум, идя об руку с волею, останавливается на рассмотрении любимой волею стороны и, составляя понятия и суждения о предмете на основании того, что видит в показанной стороне его, нечувствительно приравнивает свое убеждение к склонностям воли».

«Наиболее глубокие, – говорит *Паульсен*, – и решающие дело побуждения – мирозерцание получает не из рассудка, – они исходят из волевой стороны, из практического разума... Подобно тому, как улитка строит себе раковину, приходящуюся к её телу, так и воля строит себе мировоззрение, отправляясь из которого она смотрит на вещи и действует на них».

Положение о субъективном характере познания у Паульсена доказывается ссылками на факты. Прежде всего фактические подтверждения его дает в изобилии философия. Вопреки обычному взгляду на философию, как на чистый продукт строгого мышления, Паульсен представляет ее скорее делом сердца. «Всякая философия, – говорит он, – в конце концов сводится к тому, чтобы внести смысл в вещи, или, скорее, показать смысл, существующий в вещах. Смысл же этот в

своем последнем основании всегда есть дело не знания, а воли, веры».

Таким образом человек и в познавательном процессе остается живую человеческую личностью, не только мыслящую, но в то же время чувствующую и желающую. Он никогда не бывает простою логической или мыслительною машиною, несмотря иногда на все старания его подняться на высоту так называемого «чистого», «холодного», или «объективного» мышления.

III. Понимание дается любовью

В чем состоит истинная цель знания? «Цель знания – достигнуть понимания предмета при помощи мышления», – говорит проф. *Кудрявцев*. Понимать же не значит только: различные представления, ничем не связанные, и разрозненные признаки вещи связывать в целое. Над этим внешним знанием, ступенью выше, стоит внутреннее, более глубокое познание вещи, когда сознание проникает, так сказать, во внутренность предмета, в его сущность, и усматривает отсюда внутреннюю необходимость данных свойств предмета и данной их связи. Это внутреннее, полное познание вещи и есть *понимание, разумение*: всякое же другое наш язык отличает от такого познания другим, общим наименованием – *знания*. *Знать* и *понимать* – это две стороны в процессе познания, соединением которых достигается полнота и совершенство в нем. Понимать вещь значит знать, что она нужна, необходима и притом – для чего именно. Постигать поэтому истину – значить ставить её в отношение к каким-либо нашим потребностям, желаниям, стремлениям, и если не обретается такого соответствия между данною истинною и нашими идеалами, стремлениями, нашим характером и личностью, то не является и понимания её. Мы понимаем то, что любим, чего хотим, что отвечает нашим влечениям, и никакая истина ничего не скажет нам, если не найдет отклика в душе. Религиозные истины все отвечают религиозно-нравственным стремлениям нашей духовной природы, и их понимание возможно только на этой нравственной, практической почве. На этой почве самые непостижимые догматы христианства постижимы (напр., о св. Троице, Искуплении, Воплощении). Рассудок, по самой природе своей, не может вводить нас во внутреннюю сущность и основу вещей; его дело – *знать*, совершенно безразлично относясь к вопросу о качественном достоинстве мыслимого содержания, его субъективной (для нас) ценности. Принимая даваемое ему или в опыте, или чрез веру (откровением) знание, содержание, рассудок часто поступает, как невежественный букинист, обращающий внимание при оценке книги только на её переплет, объем, свежесть и т. п., и бросающий хорошую книгу. Естественно, что рассудок может отвергать и истины христианства, как ему противоречащие, руководствуясь только своею меркою; ему здесь доступна только логическая сторона истин. Но по самому существу своему здесь истины не могут иметь адекватного своего выражения в ограниченных и узких схемах или формах ограниченной человеческой логики. Роль

решительного судьи тут не по плечу рассудку: он здесь должен уступить свое место чувству, сердцу, которым открыты внутренний смысл, а вместе с тем полное, истинное понимание вещей. В полном смысле мы знаем и понимаем только тогда, когда чувствуем, т. е. когда предмет знания затрагивает какой-либо из наших живых интересов. По опыту – каждому, вероятно, известно, как любовь к какому-нибудь человеку повышает наше понимание всего, что к нему относится, и его самого; как с ослаблением любви опять понижается это понимание, делаясь одним только внешним знанием. Между этими видами знаний великая разница: я вижу голодного, просящего у меня на хлеб, и *знаю*, что он голоден, но он не пробуждает во мне живого сочувствия к себе... Но какая разница между этим мнимым знанием – и знанием в том случае, когда я сочувствую нищему! Только тогда я действительно *понимаю* его. Все мы знаем, то что люди смертны, и однако вполне мы начинаем это знать только тогда, когда смерть подкрадывается к нам самим или похищает дорогих и близких нам людей, – тогда-то мы начинаем понимать, что значит умереть!

Правда, в низших областях знания для понимания вещи иногда достаточно бывает знать её цель, но чем выше мы поднимаемся по лестнице знания, тем нужнее становится нам помощь чувства, пока, наконец, не поднимемся в религии на ту ступень, где понимание вещи совершенно сливается с хотением её, где понимать вещь – значит хотеть её... В самом деле, хотение само по себе есть уже некоторого рода понимание; оно, так сказать, акт сердечной логики, где сердце принимает что-либо, считает своим, признает что-либо истиною, не требуя логических доказательств, тогда как рассудочная логика приходит к признанию чего-либо за истину лишь путем доказательств. У сердца нет доказательств. Вот почему его понимание называют бессознательным. Прекрасно изображает дело Белинский, называя сердце «бессознательным рассудком». Да, сердцу, особенно любви, открывается многое, навеки недоступное холодному рассудку, совершенно непроницаемое для него. Любовь всегда соединяется с разумением, проницательностью, отличается чуткостью и отзывчивостью к явлениям действительности. «Любовь, – говорит тот же Белинский, – есть понимание, а понимание есть любовь, потому что любовь есть присутствие в сокровенной сущности любимого предмета, а присутствие одного субъекта в другом есть не что иное, как понимание этого другого субъекта».

IV. Необходимость нравственно-добротного настроения для веры в Бога

Служа главным основанием живой уверенности в бытии Бога, сердце и воля служат необходимым условием в деле усвоения и понимания всех откровенных религиозных истин. Без отношения к потребностям сердца и воли христианские истины никогда не будут поняты и оценены. Кто не воспринимает их в сердце и не осуществляет волей, тому не помогут никакие соображения и доводы ума, никакие ученые изыскания.

«Первое условие для надлежащего усвоения семян Божественной истины, – говорит *Гратри*, – есть нравственное расположение. К данным истины, которые Бог не перестает сеять в нашей душе, прежде всего необходимо прилагать не ум, а нашу волю; и по слову вечного Учителя, слову, все еще недостаточно понятому, прежде познания – истину надлежит творить в себе. *Творяй истину грядет к свету*. Свет всевается в волю и собирается в уме».

«Насколько мы воплощаем Божественную жизнь в себе самих, – разъясняет *проф. А. И. Введенский*⁷, – настолько мы познаем и вне себя. Мы познаем Бога и уверяемся в Его Бытии своею богоподобною жизнью: *подобное познается подобным*».

«Мысль, – читаем мы у *Пресансе*, – может схватывать лишь формы. Личность ускользает от неё. Она обнимает только очертания, границы, но никогда не достигает её (личности) истинного содержания. Личность необходимо любить, чтобы познать её, а это невозможно там, где нет нравственной гармонии субъекта познающего. Если это справедливо относительно всякой личности вообще, то что же сказать относительно личности абсолютной – абсолютного Блага!».

Не вкусивший меда сам – никогда не узнает его сладости, сколько бы ему ни объясняли. Дикарь, но видевший ничего, кроме своей пустыни, не составит ясного и раздельного представления о благоустройстве европейских городов, об условиях жизни в них, при самом обстоятельном рассказе ему. Подобно тому как о предметах мира видимого мы тогда только получаем ясное и раздельное представление, когда они подлежат нашему опыту и наблюдению, так и предметах духовных мы тогда только приобретаем ясное понятие, когда, так сказать, осяжем их чувством веры. Познание разума о предметах духовных, без ощущения их сердцем, подобно знанию по слуху. Оно никогда не исключает возможности сомнения и не может стать прочным убеждением. Убеждение только там,

где ум оживляется и согревается сердцем.

«Истина, – читаем мы у еп. *Феофана*,⁸ – пока не вошла в сердце, есть то же, что пыль на полированной доске. Повеет ветер – и все снесет. Истина, принятая сердцем, то же, что елей, прошедший в кости». «Ум никогда не познает истины, пока сердце не расположено поступать согласно с истиною, потому что истина служит не только светом для ума, но также законом и правилом для нашей воли. Мы охотно верим тому, что любим, и сильно желаем, чтобы истина была на стороне любимого. Если истина идет вразрез с естественными склонностями сердца, то она принимается с трудом; ум тогда работает в угоду сердцу и под разными предлогами старается уклониться от истины. Так, под предлогом сохранения здоровья удаляются от поста и воздержания, а под предлогом благосостояния и нужд семейных отказываются от благотворения; в виде праведного возмездия берут рост; отстаивая честь, выходят на дуэль... Долговременное нарушение нравственного закона доводит до того, что закон искажается и в совести, а на место его ставится превратное правило. Оттого считают скупость бережливостью, расточительность – щедростью, гнев – чувством благородного негодования, потворство – снисходительностью, жестокость – ревностью по правде, лезть – гибкостью характера, хитрость – благоразумием, гордость – чувством достоинства»⁹.

Во всем этом ум является послушным слугой сердца, исполняет его приговоры и решения.

Кто доволен здешним ограниченным миром, удовлетворяется земною действительностью, не чувствует потребности в другом, лучшем бытии, тому непонятна будет истина бессмертия и не желательно бытие другой жизни.

Кто не чувствует всей глубины своего падения, не сознает своей вины и своего недостойнства перед Богом, тот не поймет тайны Искупления и других действий всепрощающей любви Божией.

Человеку, ослепленному величию своих сил, не чувствующему слабости и бессилия в деле нравственного самоусовершенствования и не желающему высшей Божественной помощи, непонятна будет тайна христианского духовного возрождения.

Человек всегда понимает то, что сам переживает, испытывает, чувствует.

Живущий в довольстве и роскоши и не испытавший нужды и горя не поймет голодного бедняка, валяющегося у его ног и своими стонами раздирающего душу у всякого, кто сам испытал подобное несчастное

положение.

Неверующий или равнодушно относящийся к религии, но испытавший сладостных чувств истинного благочестия и молитвы, во всех подвигах истинной религиозности видит или заблуждение, или лицемерие и ханжество; ему непонятны частые хождения в храм, длинные стояния, умилительные и трогательные церковные песнопения.

Распутный человек не верит целомудрию строгих подвижников; честолюбец во всех действиях самоотверженных тружеников подозревает самолюбивые цели.

V. Учение Св. Писания и свв. Отцев о нравственных условиях Богопознания

Истинно правильный путь к вере в Бога и к уразумению Божественных истин есть путь жизненный, практический, путь религиозно-нравственного опыта. Такой именно путь указывается Словом Божиим.

Св. Писание. Псалмопевец говорит: *сказал безумец в сердце своем: «нет Бога».* Они развратились, совершили гнусные дела, нет делающего добро. (Пс. 13:1). Безумец отверг бытие Бога не в уме своем, а в сердце, потому что желания сердца побуждали его к разврату и гнусным делам, а заповедь Божия запрещала это и требовала творить добро. Спаситель обещает познание Бога не многоученым книжникам, а людям с чистым сердцем и святой жизни: *блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5:8).

Сердце в деле познания Бога то же, что глаз в деле познания предметов видимых. Глаз поврежденный или засоренный неспособен видеть предметы при самом лучшем освещении их. И одна пылинка препятствует ему видеть предметы в настоящем свете. Неспособно к познанию Бога сердце, омраченное грехом и порочными страстями. *Всякий, делающий злое, ненавидит свет, и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны* (Ин. 3:20–21). Святое и светящее слово Божие не найдет себе отклика в развращенном сердце.

Премудрость Божия непонятна человеку плотскому, душевному. *Душевный человек не принимает того, что от духа Божия, потому что он почитает это безумием, и не может разуметь, потому что об этом надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может* (1Кор. 11:14–15).

Истина любит душу правдивую. *В лукавую душу не войдет премудрость и не будет обитать в теле, порабощенном греху, ибо Святой Дух премудрости удалится от лукавства к уклонится от неразумных умствований, и устыдится приближающейся неправды* (Прем. Солом. 1:4–5). *Если желаешь премудрости, соблюдай заповеди, и Господь подаст ее тебе* (Сир. 1:26). *Птицы слетаются к подобным себе, и истина обращается к тем, которые упражняются в ней* (Сир. 27:9).

Божественная истина подавляется, по учению Слова Божия,

человеческой неправдой (Рим. 1:18). Пути правды и истины не привлекают того, кто ходить путем лжи и беззаконий. Кто хочет сохранить Божественную истину, пребывая в неправде, тот теряет ее, ибо за его неправду Бог, по Апостолу Павлу, предает его *превратному уму* (Рим. 1:28). Тот же Апостол упоминает об еретиках, которые, *отвергнув совесть, потерпели кораблекрушение в вере* (1Тим. 1:19). Он же предсказывал о временах, когда *здорового учения принимать не будут, но по своим похотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху* (2Тим. 4:3). Языческое идолослужение, по нему, есть результат нравственной развращенности (Рим. 1:21–32). Поэтому он писал евреям: *смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живого* (Евр. 3:12); *старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12:14).

Подобное познается подобным. Бог свят совершен, и познание Его возможно только чрез достижение святости, чрез освобождение от страстей и порочных наклонностей. Бог есть любовь, и потому открывается только любящему сердцу. Самолюбивое и эгоистическое сердце не поймет Бога; слова и действия любви Божией постигаются любовью. *Всякий любящий рожден от Бога, и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь* (1Ин. 4:7–8).

Не словом только, но и примером своим подтверждает эту истину Иоанн Богослов. Его возвышенное ведение тайн Божиих есть не только дар Божий, но и плод его живой и возвышенной любви к Богу... «*Исполни сый любве, исполни бысть и богословия*», – поет о нем Церковь (Стих. на Госп. воззв. в день св. Иоанна Богослова).

Кто любит Бога, тот, по слову Господа, исполняет Его заповеди (Ин. 14:15, 21), а исполняющий заповеди уподобляется Ему. Для любящего – Бог не есть что-то далекое, непонятное и чуждое. Любящий – в Боге живет, и Бог в нем пребывает. А можно ли не знать внутри нас пребывающего? Любящий знает Бога, так сказать, непосредственно, потому что переживает в себе Бога, воплощает Его в своей личности, делается подобным Ему.

Свв. Отцы. Такой именно путь Богопознания указывали и древние христианские учителя.

«Немногие из людей, – по словам св. Иустина Философа, – видят Бога, но только те, которые *жили праведно и сделались чисты чрез справедливость и всякую добродетель*».

Св. Феофил Антиохийский, обращаясь к язычнику Автолику, с целью

обратить его к истинному Богу, говорит ему, между прочим, следующее: *»Бог бывает видим для тех, которые способны видеть Его, у кого именно открыты очи душевные. Все имеют глаза, но у иных они покрыты мраком и не видят солнечного света. И, хотя слепые не видят, свет солнечный все-таки существует и светит, а слепые пусть жалуются на самих себя и на свои глаза. Так и у тебя, друг мой, очи твоей души помрачены грехами и злыми делами твоими. Человек должен иметь душу, как блестящее зеркало. Когда в зеркале есть ржавчина, то не может быть видимо в зеркале лицо человеческое: так и человек, когда в нем есть грех, не может созерцать Бога».*

Св. Афанасий Александрийский говорит, что «для исследования и истинного уразумения сказанного в Писании потребны хорошая жизнь, чистая душа и хриstopодражательная добродетель, чтобы ум, преуспев в этом, был в состоянии достигнуть желаемого, и приобретать оное, в какой только мере естеству человеческому возможно познание о Божием Слове. Ибо без чистого ума и без подражания жизни святых никто не возможет уразуметь словеса святых... Желаящему постигнуть мысль их, должно предочистить и убелить душу жизнью, и уподоблением в делах святым приблизиться к ним, чтобы, ведя одинаковый с ними образ жизни, уразумевать и откровенное Богом».

«Любомудрствовать о Боге, – говорит св. Григорий Богослов, – можно не всем; потому что способны к этому люди испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере – очищают, и душу, и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и прикоснуться к чистому, как для слабого зрения – к солнечному лучу».

У св. Иоанн Златоуста читаем, что «нечистая жизнь препятствует уразумению высоких истин, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность. Как невозможно, чтобы заблуждающийся, но живущий хорошо, навсегда остался в заблуждении: так, напротив, ведущему жизнь порочную нелегко возвыситься до разумения наших догматов; но должно очиститься от всех страстей каждому, желающему постигнуть истину». По словам того же св. отца, «когда жизнь станет достойною осуждения, тогда возникает такое же учение. И можно видеть многих, которые ниспали от этого в бездну грехов и совратились в язычество».

«Совершенство чистоты есть начало Богословия, – утверждает св. Иоанн Лествичник. – Чистота соделала ученика своего богословом, который сам собою утвердил догматы о Пресвятой Троице».

«За сохранение заповедей, – говорит св. Исаак Сириин, – ум сподобляется благодати таинственного созерцания и откровения ведения

Духа... Если зрение ума не будет *очищено деланием заповедей, делами безмолвного жития, не приобретет в совершенстве света любви, не преуснеет возрастом в обновлении Христовом...*, то не сможет соделаться истинным зрителем Божественного созерцания. Все же те подобия, какие думает составить себе ум, называются призраком, а не действительностью. И это – что ум видит одно вместо другого – происходит оттого, что он не очистился».

«Те даже, кои исполняют добродетели, прилежат Слову Божию, но не освободились от страстей, – продолжает мысль св. Исаака преп. Макарий Египетский, – те подобны людям, *ходящим ночью при свете звезд*, которые суть заповеди Божии; ибо как они еще не совершенно освободились от тьмы, то невозможно им хорошо *все видеть*... Но многие ничем не отличаются от тех, *кои ходят среди ночи совершенно без света* и кои не пользуются даже малым оным сиянием, которое есть Слово Божие, могущее светить их душам, и потому (почти) похожи на слепых. *Это суть те, кои совершенно связаны цепями вещества и житейскими узами*».

При свете приведенных изречений Слова Божия и суждений святых христианских подвижников всякому должно быть понятно, почему века великих образцов нравственного совершенства были в то же время золотыми веками в истории христианского просвещения, веками особенно широкого развития христианского богословия. Великие учителя древней Церкви, оставившие нам в своих бессмертных произведениях драгоценные перлы христианского Боговедения, сияли такою нравственною чистотою и совершенством, какие редко можно встретить в последующие века. Некоторые из них не учились ни в каких школах, не были знакомы с мирскими науками, но восходили на такую высоту богословского созерцания, какой не достигали люди выдающихся дарований и обширной учености, но не отличавшиеся чистотою и святостью. К ним приходили поучаться современные им образованные язычники; пред их творениями благоговейно все истинные любители христианского знания. Не школа, не наука сделала их великими богословами, а добродетельная жизнь, исполненная смирения и любви к Богу, свободная от мирских страстей и привязанностей. Отсюда урок для каждого: кто хочет быть богословом, пусть предварительно подготовит себя, – не ум только развивая, познания накапливая, – а усовершенствовав всю свою личность по образу Того, о ком он хочет богомудрствовать. Приступающий к богословствованию с большою ученостью, но с развращенною душою и нечистым сердцем, не уразумеет истины и не научит ей других; не убежденный сам – не произведет живого убеждения и в других. Думая служить Богу, он будет

кланяться только идолам своего сердца. В гордом сознании своего умственного величия он будет только искажать и извращать святые и возвышенные Божественные истины, влагая в них помышления своего «превратного», по Апостольскому выражению, ума и омраченного страстями сердца. Иисус Христос говорит: кто хочет творить волю Божию, тот узнает, от Бога ли Мое учение. Путь религиозно-нравственного опыта – путь трудный, требующий нравственного подвига и самоотвержения, но зато доступный всем и каждому – и единственный, приводящий к подлинному, существенному Богопознанию.

VI. Учение о том же философов и богословов

Необходимость нравственной чистоты для Богопознания – это такая истина, которая ясно сознавалась и высказывалась даже лучшими из языческих мудрецов.

Платон, например, говорит, что только тогда видящий может наслаждаться видом вещей вечных, если он делается сродным и сходным с тем, что он видит. Никогда глаз не видал бы солнца, если бы не был устроен солнцеобразно. Так и душа никогда не увидит прекрасного, если она уже не стала прекрасною. Поэтому пусть всякий делается прежде богоподобным и прекрасным, если хочет видеть прекрасное, очистит душу от страстей, отрешится от чувственности и всего земного («Федон») ¹⁰.

По словам *Аристотеля*, «всякое заблуждение, особенно в вопросах религиозных и нравственных, имеет основание в свободной воле человека, в чем мы непосредственно или посредственно должны считать себя виновными» ¹¹.

Руссо говорил: «сын мой, сохрани свою душу всегда в том состоянии, которое позволяет тебе желать, чтобы был Бог, ты никогда не будешь сомневаться в Его бытии» ¹².

По мнению *Лихтенберга*, «еще вопрос, пришел ли бы простой разум без сердца когда-либо к Богу. Только когда уже познало Его сердце, Его ищет и разум».

«Во всех нас, – читаем мы у выдающегося немецкого богослова *Лютардта*, – живет уверенность в Боге; но нужно иметь желание также придавать значение этой внутренней уверенности. Она не есть знание из доказательств, которые вынуждают разум к согласию, но знание из внутреннего убеждения, к которому склоняется воля. Вера в Бога не есть наука, а добродетель. Её уверенность вырастает не из рефлексии, а существует раньше всякой рефлексии. Не разум убеждает наше сердце, но само наше сердце убеждает разум, подобно тому, как в области нравственных истин не доказательства разума убеждают совесть, но совесть убеждает собою разум. Уверенность в Боге живет в нашем сердце, и поэтому – также и в мыслях нашего разума». Ведь «Бог хотел, – говорит *Паскаль*, – чтобы Божественные истины входили не чрез разум в сердце, а чрез сердце в разум, а потому человеческие дела должно познавать, чтобы их любить, а Божественные должно любить, чтобы познавать их».

«Меня все приводит к убеждению, – признается *Гладстон*, – что главная причина, содействовавшая возрастанию в наше время

отрицательных учений – не интеллектуальная, а нравственная, и что ее следует искать в возрастающем преобладании материального и чувственного над сверхчувственным и духовным... Понятно, что, при этом поражении духовных стремлений, к душе легче и удобнее приражается все то, чем подрывается авторитет Слова Божия или великих христианских преданий, все то, чем в разных путях отстраняется, ослепляется ощущение присутствия Божия, заглушаются упреки внутреннего голоса совести. Итак, напрасно искать корень зла в науке, действительной или мнимой, даже в заблуждениях и неверностях верующих людей, на который неправо ссылается неверие. Нет, не то: возрастающая в нас сила чувственных и мирских влечений и побуждений, – вот что дает невидимого союзника всякому аргументу сомнения и неверия, чего бы он в существе ни стоил; вот что приобретает массу учеников отрицательным учениям. Человек воображает, что, давая волю сомнению, он следует изысканию истины, а в сущности он только мирволит низшим наклонностям своей природы; им уже овладели они, а он еще усиливает их, допуская новых им союзников без всякой проверки титула их и права. Идеи, в основании своем слабые, подталкиваются наклонностью, которая непременно сильна. В душе зачинается будто тайный заговор, и выезжают в ней на бой два витязя, один – с открытым лицом, а другой – с опущенным забралом». «Итак, по моему мнению, – заключает *Гладстон*, – несомненно, что главной причиной, почему скептицизм в наше время получил такое распространение и такую силу, служит чрезвычайное развитие мирских сил и побуждений внутри нас и в среде нашей»¹³.

«Вера в Бога, – пишет *Жюль Пепо*¹⁴, – основывается прежде всего на чувстве глубокого ничтожества нашего личного существования, столь кратковременного и тем не менее тревожимого болезнью и горем; на глубоком, свойственном религиозному человеку, чувстве ничтожества физических наслаждений и глупости личного эгоизма; на *смирении*, которое внушают человеку бессилие разума проникнуть тайну нашего назначения, падение с треском самых возвышенных метафизических систем и живое чувство непроницаемой тайны, которая окружает и окутывает нас со всех сторон... Наконец, вера основывается также на потребности высшего правосудия, – потребности очень глубокой в справедливых душах, которых жестоко оскорбляет зрелище торжествующей злобы. Она подсказывается желанием утешения для скорбящих, надеждой на светлое будущее, на избавление от печалей здешней жизни, которая не представляет никаких шансов на улучшение для больных и слабых».

«Религиозные убеждения, – читаем мы у русского философа К. Д. Кудрявцева-Платонова, – не так независимы от жизни и нравственного состояния человека, как часто думают; это не то, что мнения о различных предметах науки, различие которых происходит от различного настроения и силы ума, от разнообразия оснований и фактов, какие имеет пред собою рассудок. Напротив, опыт показывает, что в религии человек часто верит тому, чему хочет веровать по свойствам своей нравственной природы, и соображает свои убеждения с характером своей жизни. Сила влияния нравственных качеств человека, потребностей его сердца, его склонностей, добрых или худых, на образ его мыслей не может укрыться от каждого опытного наблюдателя человеческой природы. Если бы люди, говорит Мальбранш, имели какой-нибудь интерес в том, чтобы стороны равных треугольников не были равны, и если бы ложная геометрия была столь же удобна для их порочных наклонностей, как ложная религия или ложная мораль, то они легко стали бы делать столь же нелепые паралогизмы и в области математики, как и в деле нравственности, потому что их заблуждения были бы им приятны, а истина только их затрудняла бы и сердила.

Действительно, печальный опыт показывает, что очень редко превратные нравственные и религиозные понятия происходили от заблуждений одного ума, без участия воли и сердца; но, по большей части, они основывались на превратных стремлениях испорченной роли и поддерживались ею. Здесь, главным образом, а не в ложных теоретических мнениях источник неверия... Уже давно замечено, что не верует в Бога тот, кому выгодно, чтобы Бог не существовал. В испорченности нравов во все времена коренились зародыши и тех теорий, который проповедывали чувственность и эгоизм, как начала нравственной жизни. Испорченностью нравов объясняется и то, по-видимому, странное явление, что многие религиозные заблуждения и суеверия, несмотря на свою очевидную слабость пред судом разума, держались долгое время в умах и сердцах людей. Если языческая религия, нелепость которой сознавали ясно и лучшие умы языческого мира, держалась долго и упорно, несмотря на явление христианства, – то в чём искать главным образом причины этого явления, как не в том, что её учение льстило чувственности людей развращенного в то время языческого мира и согласовалось с их нравственную настроенностью?»¹⁵.

VII. Атеизм и все религиозные заблуждения имеют свои корни преимущественно в сердце человека

Уверовать в Бога не то, что признать безразличную для нравственной жизни математическую, или естественно-научную, или историческую истину. Уверовать в Бога значит произнести решительный приговор над собою, произвести перелом в своем мировоззрении, в своей жизни, взглядах, склонностях, симпатиях и антипатиях. Бог не есть только предмет для познания ума, но конечная цель живого всестороннего стремления нашего духа.

Почему отрицают бытие Бога? Не в силу каких-либо серьезных логических доводов, – атеизм не приводит и не может привести никаких положительных доказательств небытия Бога, ибо небытия Бога по самому существу дела доказать нельзя, – а потому, что не чувствуют внутри своего духа живой потребности в Боге, не хотят признавать никакого высшего авторитета, обязывающего к смирению и послушанию, предписывающего нормы жизни, несогласные с требованиями и склонностями испорченной природы. Атеизм не есть необходимость мысли, а дело развращенного так или иначе¹⁶ сердца и дурной воли. Истина бытия Божия более, чем всякая другая истина, имеет определяющее влияние на нашу нравственность. Естественно, что у людей, для которых нравственный закон служит тяжелым бременем, сдерживающим их страсти и греховные влечения, легко возникает тайное желание отстранить и удалить из нравственного сознания эту высочайшую истину, служащую основанием обязательности нравственного закона; а подстрекаемый тайным желанием и личным интересом рассудок всегда готов оправдать заблуждение сердца и воли¹⁷. Сердце и воля могут помрачить самый ясный рассудок и возмутить самый светлый ум. Никакие логические доказательства не убедят неверующего в бытии Бога, если эта истина стоит в противоречии с его чувствами и склонностями. Он может логически принять эти доказательства – и все-таки не верить. Перемена убеждений следует обыкновенно за изменением чувств и желаний.

Здесь в оригинале отсутствуют две страницы

.....
другой – ответ, с одной – искание, с другой – удовлетворение, это сближение с Богом сделает решительно невозможным всякое сомнение в бытии Его. Как чувственный человек не может сомневаться в бытии воздуха, который он беспрестанно вдыхает и выдыхает: так и духовный

человек не может усомниться в бытии Бога, когда из него почерпает жизнь свою. Чрез непрестанное возвышение к Богу и оживление Им, человек получает столько света, жизни, твердости во всех своих поступках, столько господства над собою, что он осязательно чувствует бытие Подателя этих благ. Мое собственное бытие уничтожается, если отнять у меня веру в Бога. Далее, кто непрестанно с возрастающею ясностью и вернее следует святому закону, тот час от часу становится в духе своем прямее, чистосердечнее, сильнее в противодействии всем обольщениям зла; он, со дня на день, более и более приучается ощущать покой и мир в непреходящем Боге, т. е. час от часу не только делается лучше в нравственных своих действиях, он еще на земле предвкушает вечную жизнь. Как же усомниться ему, что есть вечная жизнь и Владыка сей жизни? Вечная жизнь имеет свое основание только в Боге. Итак, кто во временной жизни раскрывает в себе начатки жизни вечной, тот имеет в них залог внутреннего уверения в бытии Совершителя вечной жизни¹⁸.

I. Ум бессилен сам по себе прийти к истине и познать Бога

II. Зависимость ума от чувства и воли

III. Понимание дается любовью

IV. Необходимость нравственно-добраго настроения для веры в Бога

V. Учение Св. Писания и свв. Отцев о нравственных условиях Богопознания

VI. Учение о том же философов и богословов

VII. Атеизм и все религиозные заблуждения имеют свои корни преимущественно в сердце человека

В основу этого выпуска положены: статья И. Невзорова «Нравственные условия религиозного знания» («Вера и Разум», 1902 г. № 6, стр. 330–366) и книга проф. П. Светлова «Источники ходячего мнения о вере, как противоположности разума» (Спб. 1896 г.). – Другие пособия указаны в своем месте.

Примечания

- ¹ - Т. е. воля и чувство.
- ² - Werke I. В. S. 434.
- ³ - Паульсен. Ф. «Основы этики». Пер. с нем. Стр. 481–2.
- ⁴ - «Идеализм и реализм», стр. 1–2.
- ⁵ - Гюйо. «Искусство с точки зрения социологии». (Стр. 56, 63 и 48).
- ⁶ - Джемс. «Стоит ли жить?»
- ⁷ - А. Введенский. Вера в Бога, её происхождение и основания. Москва, 1891 г., стр. 394–395.
- ⁸ - Начертание христианского вероучения, стр.338.
- ⁹ - Там же, стр. 262–263.
- ¹⁰ - Малиновский. Православно-догматическое богословие, ч. I. Харьков. 1895 г., стр. 96–97. Примечание.
- ¹¹ - Геттингер, ч. I, отд. I, стр. 22.
- ¹² - Малиновский. Православно-догматическое богословие, стр. 96–97. Примечание.
- ¹³ - «Московский Сборник», 1897 г., стр. 297, 302, 303.
- ¹⁴ - «О веровании», 1879 г., стр. 143.
- ¹⁵ - Кудрявцев-Платонов, т. II, вып. 2, стр. 93–94.
- ¹⁶ - Следует заметить, что развращение это может быть многообразно, как по содержанию и побуждениям, так и по формам проявления, – от грубо-чувственных до утонченно-духовных. Если страсти чувственные стоят между человеком и Богом, то не менее отделяют человека от Бога и страсти духовные, скрывающиеся часто под очень благовидною формою. Таково, например, тщеславие, вырастающее на почве ревностного служения науке, или искусству, или гражданскому и общественному долгу. И столь тонки и благообразны бывают проявления этого рода тщеславия, что нравственного изъяна, лежащего в их корне, не замечают ни живущие этою страстью, ни окружающие их. «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?» (Ин. 5:44.) – Только живая религиозная вера, привлекающая благодатный свет, открывает очи на тайники человеческой души и заставляет взывать: «Господи, от тайных моих очисти мя!».
- ¹⁷ - Сочинения В. Д. Кудрявцева, т. 2, вып. 3, стр. 147.
- ¹⁸ - Протоиерей Ф. Голубинский: «Лекции по умозрительному

богословию».

Содержание

Нравственные условия Богопознания мученик Михаил Александрович Новоселов	1
I. Ум бессилён сам по себе прийти к истине и познать Бога	2
II. Зависимость ума от чувства и воли	5
III. Понимание дается любовью	12
IV. Необходимость нравственно-доброе настроения для веры в Бога	14
V. Учение Св. Писания и свв. Отцев о нравственных условиях Богопознания	17
VI. Учение о том же философов и богословов	22
VII. Атеизм и все религиозные заблуждения имеют свои корни преимущественно в сердце человека	25
Примечания	27